

БОРЬБА ПОМЕЩИЧЬИХ КРЕСТЬЯН ЦЕНТРАЛЬНО- ЧЕРНОЗЕМНЫХ ГУБЕРНИЙ ЗА ЗЕМЛЮ в 1861—1865 годах

Е. Н. Седова

Крестьянская реформа 1861 г. была проведена в интересах помещиков. В итоге реформы больше всего были ограблены крестьяне центрально-черноземных губерний, где земля представляла большую ценность. Крестьянские наделы, и без того уменьшенные в предреформенный период, были значительно сокращены крестьянской реформой. Подавляющая масса крестьян получила от 2 до 3 десятин земли на ревизскую душу. Самое большое количество таких наделов получили крестьяне Тульской губернии — 75%. Высшие нормы наделов для центрально-черноземных губерний являлись исключением¹. Средние наделы

всех категорий крестьян центрально-черноземных губерний были значительно ниже, чем средние наделы по 50 губерниям России. Из трех же категорий крестьян — государственных, помещичьих и удельных — самые меньшие наделы получили помещичьи крестьяне². «Земельная теснота в центральной России не исключение, а правило»³, — отмечал В. И. Ленин. От прежних крестьянских наделов была отрезана лучшая часть земли и включена в барскую запашку. «Отрезки» по черноземным губерниям были значительно выше, чем по губерниям промышленным. В Воронежской губернии они составляли 25%, в Тамбов-

¹ П. А. Зайончковский. Отмена крепостного права в России. М. 1954, стр. 275—277.

² «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России». Вып. I—VIII. СПб. 1880—1885.

³ В. И. Ленин. Соч. Т. 12, стр. 241.

ской — 24%, в Курской — 22%, в Орловской — 15% и в Тульской — 14%⁴.

Отрезанные у крестьян земли привязывали к крестьянским хозяйствам в помещичьим земельным владениям. Без выгонов, лесов, водопоев и т. п. крестьяне не могли самостоятельно вести свое хозяйство. Они вынуждены были брать землю в аренду на тяжелых, кабальных условиях. Помещики создавали оригинальный способ ведения хозяйства «посредством отрезных земель»⁵. Для центрально-черноземных губерний было характерным наличие большого количества крестьян-«дарственников», получивших «нищенские» наделы, составлявшие одну четверть высшего надела. Эта категория крестьян была выгодна для помещиков, так как последние сохраняли в своих руках почти всю землю и одновременно обеспечивали себя дешевой рабочей силой.

После реформы крестьянам отводились худшие земли в виде косогулов, оврагов, суглинков, песков и т. п. Создавались длинноземелье, дальнеземелье и чересполосица. Для центрально-черноземных губерний особенно характерным были массовые переселения крестьян с лучших земель «на песочки». Крестьянская реформа, обезземелив крестьян, сохранила в руках Гагариных, Юсуповых, Шереметевых, Бобринских, Нарышкиных, Воронцовых-Дашковых и других крупных помещиков огромные земельные владения. «Нелегко найти в Европе и даже во всем мире страну, — отмечал В. И. Ленин, — где сохранилось в таких чудовищных размерах крупное крепостническое землевладение»⁶. Малоземелье крестьян было главной причиной массового разорения и обнищания крестьянства.

Вокруг аграрного вопроса в течение всего пореформенного времени между помещиками и крестьянами шла ожесточенная борьба. В этой борьбе крестьянство центрально-черноземных губерний принимало самое активное участие. Значительный интерес представляет борьба крестьян с 1861 по 1863 г., когда проводились в жизнь «Положения 19 февраля 1861 г.».

В нашем кратком сообщении мы не касаемся первой волны крестьянского движения, связанной с объявлением манифеста. Мы останавливаемся главным образом на второй волне крестьянского движения, на-

чавшейся с лета 1861 г. и продолжавшейся по февраль 1863 года. Крестьянская борьба этого периода была связана с «первоначальным утверждением надела», когда вводились уставные грамоты. Наивысший подъем этого движения падает на лето 1862 года. Вторая волна в сравнении с первой характеризовалась значительно большей локальностью и распыленностью крестьянских выступлений, но одновременно с этим упорством и продолжительностью.

Крестьяне боролись за землю, включенную в «отрезки», за водопой, прогоны, против дальнеземелья и распыленности своих наделов. Особенно активной была борьба крестьян центрально-черноземных губерний против переселений их «на песочки». Этому вопросу и уделяется основное внимание в нашем сообщении. Переселение крестьян на «песочки» помещики начали еще в период подготовки реформы. Но наиболее активно этот процесс шел во время заключения уставных грамот. Переселения, связанные непосредственно с заключением уставных грамот, продолжались и в последующий период (до 1870 г.).

Об упорном сопротивлении проведению реформы свидетельствуют массовые отказы крестьян принимать уставные грамоты. К 1 января 1863 г. процент подписанных крестьянами уставных грамот составлял в Тульской губернии 37,40, в Тамбовской — 34,63, в Воронежской — 25,84, в Орловской — 20,13, а в Курской и того меньше — только 17,40%. Надо полагать, что значительная часть уставных грамот была подписана под нажимом помещиков и мировых посредников.

В нашем сообщении мы приводим данные, характеризующие крестьянскую борьбу за землю в губерниях: Воронежской, Курской, Орловской, Тульской, Тамбовской и Пензенской. Мы использовали главным образом документы двух архивов: 1) Центрального государственного исторического архива в Москве, где материалы извлечены из фонда III отделения собственной его величества канцелярии (дела «о беспорядках крестьян»); 2) Центрального государственного исторического архива в Ленинграде, в котором взяты дела земского отдела министерства внутренних дел, дела департамента полиции исполнительной, дела правительствующего сената, дела по канцелярии ми-

⁴ А. Лосицкий. Хозяйственные отношения при падении крепостного права. Журнал «Образование», 1906, стр. 192—220.

⁵ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 15, стр. 61.

⁶ В. И. Ленин. Соч. Т. 19, стр. 168.

⁷ «Отмена крепостного права». Доклады министров внутренних дел о проведении крестьянской реформы 1861—1862 годов. М.-Л. 1950, стр. 287.

нистерства внутренних дел, по департаменту окладных сборов, отчеты губернаторов и др. Среди этих материалов имеется немало крестьянских писем, наиболее ярко и правдиво отражающих борьбу крестьян за землю. Но немало встречается и донесений царских чиновников, на которых лежит печать их происхождения.

Крестьяне активно сопротивлялись отрезке земель. Так, в 1862 г. крестьяне села Каровайки, Кирсановского уезда, Тамбовской губернии, на сходе заявили, что вся «земля принадлежит им, что они не соглашаются вырезать помещице некоторую часть земли, что грамоты они не признают, что с души работать не станут и вообще они хотят «царевать, а не горевать» и что мировой посредник не имеет права с ними «разговаривать в фуражке». Когда мировой посредник хотел записать фамилии тех, кто особенно «шумел» на сходе, на это последовало дружное заявление всех крестьян: «Записывать, так записывай всех». Сопротивление было прекращено в результате «воздействия на крестьян местной комиссии в составе мирового посредника, представителей Кирсановского уездного суда, уездного предводителя, земского исправника и станového пристава». Пять крестьян, как главные «виновники», были подвергнуты «полицейскому исправительному взысканию»⁸. В ответ на предстоящую отрезку земли крестьяне села Бегощи, Путивльского уезда, Курьской губернии, в мае 1864 г. отказались дать рабочих в помощь землемерам, заявляя: «Рабочих не дадим, кто из общества пойдет в поле, того, как собаку, изобьем, лошадей убьем и сохи подомаем». Руководитель крестьянских выступлений крестьянин Зюкин был арестован и выслан. Несколько человек были подвергнуты экзекуции, 84 крестьянина за участие в волнении уплатили денежный штраф⁹.

В 1862 г. против отрезков упорно боролись крестьяне села Глубокого, Веневского уезда, Тульской губернии. Начальство арестовало старосту, считая его главным «во-

жаком», и одного крестьянина. Когда арестованных хотели отправить в город, крестьяне бросились в рукопашный бой с солдатами. Некоторые крестьяне вбежали на колокольню и ударили в набат. Все — «от мала до велика» — собрались на место происшествия. Не запугала крестьян и жестокая экзекуция, которой подвергли трех человек. Все как один демонстративно уходили от места наказания, говоря при этом: «Пойдемте, нам здесь делать нечего». На следующее утро 9 крестьян отправились в Венев и Тулу подать жалобу на незаконные действия местного начальства. Но там они не нашли защиты: наоборот, по возвращении из города они были наказаны еще более жестоко, после чего вынуждены были покориться¹⁰.

Многочисленные факты свидетельствуют о том, с каким упорством крестьяне боролись за лучшую землю. Например, крестьяне села Красного, Новохоперского уезда, Воронежской губернии, в письме, посланном на имя царя в мае 1863 г., писали, что помещица Раевская «из их искони веку полей и угодий выбрала для себя 300 десятин, а нам дала отрезанные в виде очажной плиты». Земля, отведенная для крестьян, по их словам, «состоит из песка, гор, бугров и оврагов с самыми стеснительными покосными лугами». От такого надела, пишут крестьяне, они отказались, за что их сочли «бунтовщиками» и прислали для усмирения 1 200 солдат. Вслед за военной силой в их селение приехал сам губернатор. В присутствии местного начальства и сельского священника была произведена экзекуция. «С жестокостью и немилосердием было наказано до 200 человек мужского и женского пола. Женщин велел губернатор наказывать становому приставу, который, пользуясь поручением самого начальника, наказывал безвинных женщин по 100 розг и бил рукопашно по скулам так, что наказанные были без памяти и рассудка». Крестьяне просили, чтобы им дали возможность переселиться в любую губернию России, так как они «приходят в окончательное разорение»¹¹.

Схожей была судьба временнообязанных крестьян деревни Ганкировой, Мценского уезда, Орловской губернии. В своем прошении от 22 июня 1863 г. в министерство

⁸ К. Ф. Максимова. Крестьянская реформа 1861 г в Тамбовской губернии. М. 1951, стр. 371 (диссертация); Тамбовский областной государственный исторический архив (ТОГИА), ф. 26, ед. хр. 40, лл. 1—6.

⁹ Центральный государственный исторический архив в Москве (ЦГИАМ), III отделение, 4-я экспедиция, № 109, лл. 2—5.

¹⁰ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ЦГИАЛ), земский отдел, 4-е делопроизводство, ф. 1291, оп. 52, № 73, лл. 41—44.

¹¹ Там же, № 72, лл. 6—8.

внутренних дел они писали, что помещик Тарабаровский в 1860 г. отнял у них лучшую, хорошо удобренную землю, находящуюся около деревни, а взамен дал худшего качества, болотную землю, расположенную в трех верстах от селения, на низком залильном берегу речки Черни. Весной 1862 г. крестьянам было предложено оставить их землю, засеянную рожью, и взять участок помещика. Они отказались. Летом, когда крестьяне сжали рожь на своих полях и оставалось только перевезти ее, все мужчины селения были арестованы, а крестьянская рожь была перевезена на барскую усадьбу и обмолочена. После этого над крестьянами «учинили» с помощью солдат жестокую порку, принуждая взять хлеб с барского поля. Крестьяне отправили с прошением к орловскому губернатору тридцать ходоков. В Орле ходоков подвергли экзекуции и посадили в тюремный замок. В тюрьме они просидели с 1862 по 1864 год. Дело о крестьянах деревни Ганкировой было прекращено только в 1868 году¹².

Сообщения об отказах крестьян от недоброкачественной земли поступали из всех центрально-черноземных губерний. От принятия наделной земли отказались крестьяне Новооскольского уезда, Курской губернии¹³, а также крестьяне помещика Кандонди, Борисоглебского уезда, Тамбовской губернии¹⁴. Крестьяне села Дохтурова, Воронежской губернии, Задонского уезда, отказавшись от земельного надела, запахали свои прежние поля, отошедшие к помещику¹⁵. 2 тыс. ревизских душ сел Ельниково, Никольского и Надеждино, Краснослободского уезда, Пензенской губернии, отказались от земельных наделов плохого качества¹⁶. В апреле 1863 г. крупное волнение охватило до 40 тыс. крестьян графа Шереметева в Воронежской губернии. Крестьяне Шемякинской, Харьковской и Бирючинской волостей в знак своего отказа от земельных наделов отослали управляющему копии уставных грамот. Местная администрация арестовала троих крестьян, на что в знак солидарности со своими единомышленниками все крестьяне заявили: «Если брать троих, то брать всех». Над крестьянами была учинена жестокая расправа

при участии войск, в результате чего «порядок был водворен»¹⁷.

Отказываясь от недоброкачественной земли, крестьяне ожидали «новой воли». Их ожидания связывались с 1863 годом, когда должно было закончиться составление уставных грамот. На предложения взять худшую землю крестьяне обычно отвечали: «Эта земля помещиков, пусть она за помещиками и остается, а мы брать ее не желаем. покажите нам нашу землю, что царь нам пожаловал». В марте 1862 г. волнение охватило свыше 20 тыс. крестьян Острогожского уезда, Воронежской губернии, с центром в селе Ольховатке. Крестьяне не принимали и не подписывали уставные грамоты, собирали сходы, «оскорбляли старшину бранными словами, а писаря хотели даже заковать в железа, грозя ему жестоким наказанием». Они ожидали высочайшую «волю», в силу которой «все земли и угодья будут дарованы крестьянам без всякого платежа». Волнение было подавлено при участии 11 рот солдат¹⁸.

В отказах от недоброкачественной земли ярко проявлялись солидарность и упорство крестьян. В деревнях Жупани и Брусне, Веневского уезда, Тульской губернии, крестьяне вынудили помещика бежать из имения¹⁹. В августе 1862 г. крестьяне села Черкова, Городищенского уезда, Пензенской губернии, помещицы Холопской, отказываясь от недоброкачественных земельных наделов, заявляли, что своих односельчан они «не выдадут, потому что они заявили желание всего мира, и что если их необходимо отправить, то и они всем миром пойдут не только в Городище, но и в солдаты и даже в Сибирь»²⁰. Пензенский губернатор писал о борьбе крестьян Чекашовых Полянок помещика Обрезкова: «По справедливости должен сказать, мне не удавалось встречать такого упорного сопротивления, какое я нашел тогда в крестьянах Чекашовых Полянок». Причиной борьбы была плохая земля, из которой, по свидетельству крестьян, «удобной было не больше $\frac{3}{4}$ десятины, а остальная — сплошное болото». Крестьяне наотрез отказались от надела, заявив, что «лучше готовы умереть с голоду или быть сосланными, чем последовать совету начальства и засеять поля». Когда начальство решило арестовать крестьянина

¹² Там же, № 92, лл. 18—20.

¹³ Там же, № 62.

¹⁴ Там же, № 131.

¹⁵ ЦГИАМ, III отделение, 4-я экспедиция, № 194, лл. 11—14.

¹⁶ Там же, № 207, лл. 12—14.

¹⁷ ЦГИАЛ, земский отдел, 4-е делопроизводство, ф. 1291, оп. 52, № 42, лл. 3—4.

¹⁸ Там же, № 60, л. 53.

¹⁹ Там же, № 28, лл. 61—66.

²⁰ Там же, № 37, л. 84.

Егора Есифеева, «толпа решительно, с криком, воем, плачем, в страшном азарте не дала взять Егора», при этом крестьяне оказывали активное сопротивление вооруженной силе, «били солдат и даже хватались за ружья»²¹.

Крестьяне довольно часто посылали своих ходоков с просьбами и жалобами по поводу наделения землей. Ходоки отправлялись в дальний путь после продолжительных сборов. Они начинали свои хлопоты с волостного правления, губернского по крестьянским делам присутствия и кончали столичными «парадными подъездами». Сохранились многочисленные свидетельства о том, с каким упорством искали правду крестьянские ходоки. Так, крестьяне села Глубокого, Веневского уезда, Тульской губернии, неоднократно просили защиты у губернских властей от злоупотреблений помещика, но все их попытки были тщетны. Тогда они отправили своего односельчанина Храмова в Петербург в 1862 г. с тем, чтобы он в столице донесся настоящей «правды» у самого царя. Храмов подал прошение от имени своего села великому князю Николаю Николаевичу, но на это прошение ответа не последовало. Затем Храмов подал прошение на имя царя, ответа опять не было. Храмов прожил в Петербурге два года, влача жалкое существование, питаясь милостыней. Наконец ему удалось встретиться с царем во время прогулки последнего в Летнем саду. Крестьянин исполнил волю пославших его, передал прошение в руки царя, но сам был схвачен и выслан на родину под строгий надзор полиции²².

Крестьяне самоотверженно защищали своих ходоков от притеснений начальства. Интересна история ходока Василия Бессонова из Львовского уезда, Курской губернии. Не получив положительного ответа от губернатора, Бессонов отправился в Петербург, но был там арестован и доставлен в Львовский тюремный замок. Узнав о заключении своего ходока, 300 крестьян пришли к Львовскому тюремному замку, намереваясь освободить своего заступника. Но все они были подвергнуты порке и под конвоем отправлены по домам. Курское начальство опасалось популярности Бессонова. Оно общало в министерство внутренних дел: «Пагубное влияние этого возмутителя и доверие к нему окрестных крестьян возрас-

тает до крайней степени и совершенно уничтожает все усилия посредников и полиции к выполнению Положения и сохранению порядка». Среди крестьян ходили слухи, что «государь пожаловал Бессонову саблю, что ему даны на хранение новые законы и что жандармы оберегают его от нападения помещиков»²³. Перепуганное губернское начальство отправило Бессонова в Сумский уезд, Харьковской губернии, и, объявив его сумасшедшим, посадило в дом умалишенных. Но курские крестьяне снова установили связь со своим ходоком. Курский губернатор сообщал: «На него крестьяне смотрят как на мученика, страдающего за них и за их дело. Они нередко отправляют к нему депутации, которые, возвратясь из путешествия в Харьков, еще более поддерживают между крестьянами дух непокорности и неповиновения их законным властям».

Характерными для «центрально-черноземных губерний были массовые переселения крестьян в безводные песчаные, глинистые или пересеченные оврагами земли, начавшиеся еще в период подготовки реформы. Ярко описал Г. И. Успенский такие переселения в одном из своих очерков. Писатель-демократ показал героическую, но неравную борьбу распясовских крестьян за свои прежние участки земли. «Три недели шла ломка распясовских дворов; три недели над деревней стояла пыль густым облаком от развороченной соломы крыш, разломанных печей: три недели от Распясова тянулись возы с бревнами, с рамами, с досками от крыш, с оторванными дверями... Через три недели Распясово представляло такой вид: груды содранной с крыш соломы валялись на тех местах, где прежде были дома, амбары, сараи; от домов остались завалинки, от погребов — ямы, от сараев кое-где торчали столбы. И среди этих груд соломы без призора бродила скотина, тщетно взывая к какому-нибудь вниманию хозяина; в этой же соломе возились дети и спали родители, не раздеваясь и не переменяя белья и одежды с первого же дня разорения деревни. Что они ели, отвечать трудно; хлеба они не сеяли и не собирали. На берегу реки кое-где виднелись вырытые в земле печи, по временам дымившиеся, около которых возились женщины. Распясовцы не шли на новые места и держались попрежнему убеждения, что «лучше помереть»²⁴. Крестья-

²¹ Там же № 97, л. 8.

²² Там же, № 81, лл. 11—13.

²³ Там же, № 29, лл. 28—29.

²⁴ Г. И. Успенский Полное собрание сочинений. Т. 4. М. 1949, стр. 26—27.

яне решительно протестовали против насильственных переселений. Об этом свидетельствуют их многочисленные прошения и жалобы. Так, крестьяне помещицы Яковлевой, Тульской губернии, Веневского уезда, писали, что помещица переселяет их на такую землю, где «нет ни воды, ни лесу, ни травы, где вся земля такого качества, что при всех человеческих усилиях произрастать и родиться на ней ничего не может... И мы должны погибнуть». Крестьяне просили помещицу не переселять их, но «чувство сострадания ее не коснулось». Начались крестьянские хождения «по мукам», подача прошений сначала на имя станového пристава, затем уездного предводителя дворянства, наконец, губернатора. Но они «не были ни от кого осчастливлены ни малейшим вниманием и защитой». При помощи роты солдат крестьянские строения были снесены и перемещены на новые участки. Последней инстанцией, куда обратились крестьяне за помощью, был царь. В прошении крестьяне писали, что помещица «из нашего села сделала поле и мы должны сделаться жертвой ее власти». Ходокам Алексею и Роману Ивановым удалось подать прошение на имя царя. Ответом на это прошение был арест ходоков и предание их суду²⁵.

Крестьяне села Мельчан (с населением 2 тыс. душ), Пензенской губернии, не подчинились приказанию помещицы Габбе засеять поля на новом месте ввиду плохого качества новых участков и отсутствия там воды. Они заявили, что «лучше останутся без хлеба, а земли не возьмут». «Порядок был водворен» лишь через месяц, 25 мая 1860 г., в результате неоднократных экзекуций, ареста 17 крестьян и воздействия на крестьян крупных вооруженных сил. О прекращении сопротивления крестьян было доложено царю и министру внутренних дел. Последний написал на полях донесения: «Слава богу»²⁶.

Крестьянская реформа 1861 г. создала широкие возможности для массовых переселений на «песочки». Специальные правила о «перенесении крестьянских усадеб», включенные в «Положения 19 февраля 1861 г.», помещики обходили всеми правдами и неправдами. Наиболее многочисленными были переселения в Воронежской и Тамбовской губерниях; например, только в одном Воронежском уезде переселения были назна-

чены в 57 имениях²⁷. По Тамбовской губернии многочисленными были переселения по Кирсановскому и Моршанскому уездам. По Тульской губернии, Каширского уезда, из утвержденных на мировом съезде 69 уставных грамот 33 были с разверстанием и переселением (25 с обязательным переселением). В Чернском уезде из утвержденной 281 уставной грамоты 69 были с разверстанием и переселением. По Новооскольскому уезду из 111 уставных грамот 51 была с разверстанием и переселением²⁸.

Переселения крестьян производились с помощью насильственных мер. О переселениях в Орловской губернии 12 июня 1863 г. орловский губернатор сообщал в министерство внутренних дел: «Редкое из переселений и разверстаний угодий происходит без принудительных мер со стороны земской полиции, в иных же условиях требовалось даже участие военной силы»²⁹. Временно-обязанные крестьяне Тульской губернии, Каширского уезда, села Козловки, деревень Балашовой, Искович и Суходор, в поданном в 1862 г. прошении на имя царя указывали: «В 1861 г. в мае месяце помещик наш Нарышкин сломал наши крестьянские дома по своему произволу и вывез на пустошь Высоцкую. Свалил там все в одну кучу, а семейства этих крестьян остались на открытом воздухе, так что и скот от морозов погиб»³⁰. О жестоких методах переселения крестьян свидетельствует письмо крестьянина Егора Козлова с. Любимова, Белевского уезда, Тульской губернии, посланное 20 марта 1863 г. на имя царя: «Становой пристав, пришедши с понятиями, разломал мой дом и, не давши мне опомниться и выбраться с пожитками хоть на одни сутки, все перевернул вверх дном и заставил меня убираться пока цел. Все это выброшенное на улицу погибло и расхищено неизвестно кем, а я, потерявши в один час пятидесятилетние труды свои, вдруг остался нищим»³¹. Свой отказ от переселения крестьяне нередко мотивировали ожиданием «новой воли». Старосты с. Семидубровного, деревень Ливенки, Никольского и Катюшина, Землянского уезда, Воронежской губернии, возвратив мировому посреднику копии с уставных грамот, заявили: «Не бу-

²⁷ Е. А. Мороховец. Крестьянское движение 1827—1869 годов. Вып. II. М. 1937, стр. 32.

²⁸ ЦГИАЛ, земский отдел, 4-е делопроизводство, ф. 1291, оп. 52, № 101, стр. 2.

²⁹ Там же, № 77, лл. 1—2.

³⁰ Там же, л. 73, лл. 61—66.

³¹ Там же, № 59.

²⁵ ЦГИАЛ, ф. 1286, оп. 20, д. 744, лл. 1—10.

²⁶ Там же, оп. 21, д. 636.

дем переселяться, ни за что не пойдем, земля нам будет дана даром, у нас будет другая воля, а посредники только обманывают». Вмешательство исправника не помогло. Тогда в село Семидубровное пришел вооруженный отряд солдат; после экзекуции и ареста 6 человек крестьян волнение было подавлено³².

Помимо переселений внутренних, имели место насильственные переселения крестьян из одного помещичьего имения в другое, находившееся в другой губернии. При таких переселениях некоторые крестьяне земельческих губерний оказывались в новых условиях и должны были заниматься разного рода промыслами. Крестьянин, привыкший с детства к земледелию, вынужден был приобретать новые навыки. Об обстановке на новых землях Самарской губернии, в которой оказались переселенные туда обманным путем крестьяне Курской губернии, один из членов обследовательской комиссии в 1862 г. сообщал: «Означенные крестьяне в числе 107 душ поселены на совершенно свободном участке в овраге, прилегающем к деревне, в трех местах устроены запруды, но по недостатку родников вода, накопленная с весны, высыхает очень быстро. Зимой крестьяне роют колодцы, но показывающаяся в них вода скоро исчезает. Вследствие этого с наступлением морозов крестьяне постоянно гоняют свою скотину на водопой в имение соседнего владельца, за три версты через степь. Оттуда же возят себе воду для домашнего потребления в бочках, а иногда пробиваются талым снегом. По рассказам крестьян, в нынешнюю зиму двое из ездивших за водою замерзли в пути». До сих пор на этих местах их удерживала, с одной стороны, власть помещицы, а с другой — надежда на получение лучшей земли, которую им обещала помещица. «Но теперь и эта надежда рухнула, — доносил чиновник, — так как помещица категорически отказалась от выполнения обещания, данного крестьянам при переселении»³³.

Безвыходное положение создалось у крестьян села Виряева, Тамбовской губернии, в результате насильственного переселения, вернее, продажи их «на своз» помещиком Ярышкиным в Нижегородскую губернию помещику Королькову. История началась еще в 1858 году. Крестьяне в количестве

120 человек, категорически отказавшись от переселения в другую губернию, скрылись в окрестном лесу. Когда начали ломать их избы, явились 20 крестьян, вооруженных кольями, и стали угрожать побоями разорявшим их строения. В помощь помещику в село были введены две инвалидные команды в 75 человек, при участии которых и были снесены все крестьянские постройки. Вслед за этим всех женщин и детей под конвоем отправили в имение Королькова с тем, чтобы принудить крестьян к переселению. Но крестьяне решительно заявили, что переселиться для них все равно, что «в омут или в огонь броситься». Потеряв надежду найти защиту у местного и губернского начальства, крестьяне послали своих ходоков в Петербург с прошением к царю. Но их там разыскали и по этапу отправили домой. Крестьяне оказались в крайне тяжелом положении: без земли, жилья и средств к существованию. Проживая в землянках, вырытых на прежних местах жительства, они поддерживали свое существование поденной работой и подаванием. В таком положении крестьяне находились в течение 12 лет. В 1870 г. они были переведены в разряд государственных крестьян³⁴.

Почти все без исключения переселения сопровождались сопротивлением крестьян. В ряде случаев дело доходило до открытых столкновений крестьян с вооруженными отрядами царских войск. Частыми явлениями были поджоги помещичьих имений, расправа с помещиками, управляющими и т. п. Насильственные переселения нередко сопровождались «дерзкими» высказываниями крестьян по адресу помещиков, местного губернского начальства и даже царя. В 1861 г. на предложение помещика Воронежской губернии Викулина переселиться на новые места крестьянин Емельянов деревни Богородицкой, выражая мнение односельчан, ответил: «Этому не бывать». Тогда помещик прочел 75-ю статью местного положения о перенесении усадеб. На это Емельянов сказал: «Мы этого и знать не хотим». А на внушение ему, что он не только не должен говорить, но даже и думать против положения, ибо оно есть постановленное самим царем, Емельянов еще более резко заметил: «А мне до этого дела нет, царь, видно, все сделал не в нашу, а в вашу пользу»³⁵.

³² ЦГИАМ, III отделение, 4-я экспедиция, № 197, стр. 43—44.

³³ ЦГИАЛ, земский отдел, I делопроизводство, № 50/58, лл. 1—2.

³⁴ Там же, ф. 1286, оп. 19, д. 659, лл. 1—130.

³⁵ ЦГИАМ, 1-я экспедиция, д. 33, лл. 1—4.

В Пензенской губернии разнесся слух, что якобы «новая воля» до сих пор не была объявлена крестьянам из-за самого царя и что после смерти царя, которая последовала не так давно, наконец-то «дали для крестьян настоящую волю». По этому вопросу временнообязанный крестьянин Нязкин, собрав крестьян на постоялом дворе села Зыкова, Пензенской губернии, заявил: «Ну, ребята, молитесь теперь богу, царь наш умер, в каждом поле вам дадут по три десятины земли и повинностей никаких не будут. Воля эта объявляется в селе Голицыне, скоро ее объявят в селе Зыкове»³⁶. Услышав вест о покушении на царя в 1866 г., один из крестьян заметил: «Поделом ему»³⁷.

На предложения мировых посредников, местного и губернского начальства переселиться на новые участки, как правило, следовал со стороны крестьян решительный отказ. На предложение помещика Супрунова переселиться на новые места крестьяне села Приваловки, Воронежской губернии, того же уезда, ответили: «Что хотите, то и делайте, но на новые места мы не пойдем, и если переведете наши дома, то мы все равно землянки выроем на старых местах, но все-таки на новые не пойдем». Когда в это село прибыло войско для покорения «упорствующих», то староста, выражая мнение остальных крестьян, сказал: «Нас всего двадцать пять человек, а солдат много, поднимите нас на штыки и несите, иначе мы не пойдем». Сопротивление крестьян продолжалось два года и было подавлено суровыми мерами. 8 крестьян были преданы военному суду, лишены всех прав состояния и сосланы в Сибирь. В 1865 г. им разрешено было возвратиться на родину, но из них к тому времени троих уже не было в живых. В свое оправдание чиновник доносил начальству, что такая расправа с крестьянами была необходима, потому что «их фанатическое упорство могло плохо повлиять на остальных крестьян, предназначенных к переселению, число которых слишком значительно в Воронежской губернии»³⁸.

Об упорном сопротивлении переселению крестьян деревни Бруски, Чернского уезда,

в село Архангельское, Тульской губернии, губернатор доносил лично царю. На предложение двум семьям срочно переселиться последовал решительный отказ, после чего, забрав с собой движимое имущество, крестьяне скрылись в лесу. На вопрос исправника, куда скрылись семьи и как их разыскать, чтобы заставить хотя бы женщин сопровождать подводы с бревнами от перевозимых домов, староста ответил: «Баб хотя я и знаю, но отыскать не могу». Когда у старосты стали требовать лошадей для перевозки разобранных построек, он заявил: «Раз избы сломаны посторонними понятными людьми, то таким же путем и перевозите, а лошадей не дадим». Крестьяне не шли на новые места, их нигде не могли отыскать. Таким же образом были сломаны еще пять крестьянских домов и перевезены на новые участки, но хозяева и этих домов категорически отказались переселиться, скрываясь в лесах и домах соседей. Под воздействием отряда солдат крестьяне были собраны на общий сход, где каждого из них подвергли порке, спрашивая при этом, «согласен ли на переселение». Ответ был один: «Как мир, так и я». Только после вторичной, еще более жестокой расправы крестьяне согласились переселиться³⁹.

Упорно отстаивали свои прежние места жительства крестьяне деревни Воробьевки, Орловской губернии. Они умышленно засорили колодцы, вырытые помещиком на новых участках. От денег на переселение крестьяне отказались. Волостному старшине, стремившемуся переселить воробьевских крестьян, «был нанесен сильный удар камнем в бок неизвестно кем». Старшина вместе с исправником бежали, им вслед неслись громкие крики «ура» и брань. После этого в Воробьевку прибыли солдаты для «увещевания упорных», но крестьяне стояли на своем. В ответ на жестокую экзекуцию двух воробьевских крестьян остальные заявили: «Пусть нас всех высекут, но переселяться все равно не будем». После этого крестьян села Воробьевки окружили солдаты и держали до тех пор, пока не закончилась ломка домов. Когда крестьянские постройки были снесены и их владельцам предложили идти на новые места и выбирать участки для поселения, то за исключением одного крестьянина туда никто не пошел. Только после того как солдаты, угрожая оружием, вывели кре-

³⁶ ЦГИАЛ, ф. Канцелярия, № 118, лл. 5—6.

³⁷ ЦГИАМ, III отделение, 1-я экспедиция, № 11, ч. 48.

³⁸ ЦГИАЛ, земский отдел, 4-е делопроизводство, ф. 1291, оп. 52, № 60, лл. 9—17.

³⁹ Там же, № 107, лл. 2—3.

стьян в поле, они «изъявили согласие» на переселение⁴⁰.

Орловский губернатор послал специальный запрос о том, как поступить с крестьянами села Белого, Орловского уезда, которые упорно отказывались переселяться, заявляя: «Скорее готовы пойти на поселение, чем исполнить распоряжения мирового съезда» В 1863 г. этим крестьянам в числе 68 душ предстояло переселение. На убеждение местной и губернской администрации крестьяне ответили решительным отказом. В село пришли два взвода солдат. С их помощью с общего схода были удалены два крестьянина, как главные «подстрекатели», с целью изоляции от остальной массы; затем солдаты приступили к сносу крестьянских строений. О непоколебимой уверенности крестьян в правоте своих убеждений говорилось в донесениях: «Они не выказали ни малейшего неповиновения и невозмутимо были равнодушными зрителями разорения своих жилищ, говоря одно: «Что хотите, то и делайте, а туда все равно не пойдем», «Хоть в Сибирь, а туда не пойдем»⁴¹.

Крестьяне помещицы Вырубовой, Тамбовской губернии, того же уезда, в 1862 г. скрылись в лесу в надежде, что в их отсутствие помещица не решится сносить и перевозить на новые участки их строения. Но, узнав о том, что их дома уже сломаны и перевозятся понатыми людьми, они, вооружась кольями и дубинами, вышли из леса, напали на подводы, в результате чего (как доносили в III отделение) «часть возчиков и уполномоченных были жестоко избиты». Но предотвратить переселение крестьяне все же не смогли, ибо завершено оно было при участии вооруженной силы⁴².

Характерный случай произошел в Малоярославском уезде, Орловской губернии. Крестьянину Ларину с семьей в 20 человек предложено было переселиться на новый участок. Ларин не подчинился этому приказу. Тогда были собраны понятые и «сторонние люди», которым предложили приступить к сломам строений крестьянина Ларина, но последние отказались выполнить распоряжение властей, заявив: «Ломать чужого дома не будем». После неоднократных отказов от переселения было решено приступить к насильственному переселению Лариных. Тогда семья Лари-

на, вооружившись кольями, избивала сотских, нанятых крестьян, письмоводителя и самого пристава. Сначала Василий Ларин гнался за приставом с колом в руках, затем к нему на помощь поспешила его невестка Елена и, подбегав, «ударил станового несколько раз с такой силой, что имевший у нее в руках кол переломился, а у станового на теле образовались синебагровые пятна»⁴³. При помощи солдат и посторонних людей все строения, принадлежавшие семье Лариных, были сломаны и перевезены в новую усадьбу. Ларин же и его невестка были арестованы.

Переселение крестьян на плохие земли и бесчеловечные насилия над ними при переселениях вызывали возмущение всех прогрессивных людей. Герцен просил сообщать в «Колокол» имена «землекрадов», чтобы заклеймить их позором в печати⁴⁴. Чернышевский писал в воззвании «Барским крестьянам». «А усадьбы-то переносить? Ведь от барина зависит. Велит перенести,— не на год, а на десять лет разоренья сделает». О качестве новых земельных участков, предназначенных для переселенцев, Чернышевский писал: «С речки на колодцы пересадит, на гнилую воду, да на вшивую; с доброй земли на солончак, либо на песок, либо на болото,— вот тебе и огорды, вот тебе и конопляники, вот тебе и выгон добрый, все поминай как звали». О неизбежных скорбных результатах переселения он говорил: «Сколько тут перемерет народу, на болотах-то, да на гнилой-то воде! А больше того ребятишек жаль: их лета слабые, как мухи будут на дрянной-то земле да на дрянной-то воде мереть. Эх горькое оно дело! А гробы-то родительские,— от них-то какво отлучаться?» Пророчески звучали слова Чернышевского, сказанные им еще накануне реформы: «Тошно мужику придется, коли барин по царскому указу велит на новые места переселяться»⁴⁵.

Как правило, хозяйства переселившихся крестьян приходили в расстройство. Новые, непригодные участки не обеспечивали существования, из года в год накапливались недоимки, росла задолженность. За недоимки производились описи и распродажа жалкого имущества крестьян. Нередки были случаи, когда крестьяне, насильно пересе-

⁴³ ЦГИАЛ, земский отдел, 4-е делопроизводство, ф. 1291, оп. 53, № 196.

⁴⁴ «Колокол», 1858, № 17, стр. 140.

⁴⁵ Н. Г. Чернышевский. Избранные сочинения. Т. 1. М.-Л. 1928, стр. 145.

⁴⁰ Там же, оп. 53, № 112, лл. 28—57.

⁴¹ ЦГИАМ, III отделение, 4-я экспедиция, № 206, лл. 8—10.

⁴² Там же, № 197.

ленные на новые участки, прекращали заниматься сельским хозяйством. Так, в 1863 г. о крестьянах помещика Маслова, Орловской губернии, Карачевского уезда, переселенных из деревни Завидовой в село Приютово, губернское начальство сообщало, что они в течение трех лет с начала переселения не обрабатывают отведенную им землю, не выполняют никаких повинностей, и почти все население ходит по миру, «ведет бродячую и беспокойную жизнь». В заключение начальство отмечало, что «благодаря такому сопротивлению и настроению крестьян селца Приютова есть опасения за спокойствие целой волости»⁴⁶.

В течение 13 лет, начиная с 1864 г., шел процесс переселения временнообязанных крестьян Тульской губернии, Одоевского уезда, села Бабошина, их помещиком Красовским. В одном из прошений (от 5 марта 1865 г.) крестьяне сообщали в министерство внутренних дел, что та земля, куда их переселяют, совершенно непригодна «ни для хлебопашества и никакого хозяйства, а тем более, что в этой местности нет воды, стало быть, скотоводство мы должны прекратить, а что же за крестьянин без скотоводства?» В ответ на неоднократные попытки крестьян доискаться «защиты» к ним неизменно применялись репрессивные меры. Соседние крестьяне за попытку дать правильную оценку качества новых земельных участков подверглись каждый по 15 руб. штрафа. Вследствие отсутствия средств для уплаты штрафа у них с публичных торгов продавались имущество и скот. В прошении в министерство внутренних дел от 24 июня 1876 г. они писали: «После столь разительного примера никто не соглашается быть при этих предстоящих новых осмотрах и тем более говорить правду из опасения подвергнуться за истину от уездных властей, по примеру прежних добросовестных, или штрафу, или аресту»⁴⁷.

⁴⁶ ЦГИАМ, III отделение, 4-я экспедиция, № 220; ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 52, д. 12.

⁴⁷ ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 1, д. 465.

В результате обезземеления крестьян, переселения их «на песочки», дальnozемелья, чересполосицы, отсутствия водоемов, выгонов и т. п. значительная часть крестьянских хозяйств разорвалась.

Крестьяне боролись против всех этих мероприятий, вытекавших из полукрепостнической реформы 1861 года. Эта борьба носила характер разрозненных стихийных выступлений, но она была глубоко прогрессивна. Крестьяне объективно боролись за более свободное развитие капитализма в сельском хозяйстве, за уничтожение помещичьего землевладения, за получение больших и лучшего качества земельных наделов. Они решительно протестовали против отрезков и насильственных переселений. Лозунги этой борьбы были: «Вся земля крестьянам!», «На худшее земельные участки не пойдем!», «Подчиняться помещикам и местному начальству не будем!». Осуществление этих лозунгов означало наиболее радикальное разрешение земельного вопроса в России, наиболее быстрое развитие капитализма в сельском хозяйстве. В. И. Ленин писал: «...чем больше земли получили бы крестьяне при освобождении, чем дешевле бы они ее получили, тем быстрее, шире, свободнее шло бы развитие капитализма в России, тем скорее исчезли бы остатки крепостнических и кабальных отношений, тем значительнее был бы внутренний рынок, тем обеспеченнее развитие городов, промышленности и торговли»⁴⁸.

В центрально-черноземных губерниях в течение всего пореформенного периода прочно держались многочисленные феодально-крепостнические пережитки. Процесс развития капитализма в сельском хозяйстве шел здесь медленнее, обрекая крестьянство на неисчислимые бедствия и разорение. В течение всего пореформенного периода крестьянство центрально-черноземных губерний принимало наиболее активное участие в революционной борьбе.

⁴⁸ В. И. Ленин. Соч. Т. 17, стр. 87.